

Сабина Рихебехер,
психоаналитик, автор психобиографического романа
«Сабина Шпильрейн: почти жестокая любовь к науке»,
Цюрих, Швейцария

КАК ШКОЛЬНИЦА САБИНА ШПИЛЬРЕЙН ИЗ РОСТОВА-НА-ДОНУ СТАЛА УЧЕНЫМ И ПИОНЕРОМ ПСИХОАНАЛИЗА.¹

*История кризиса и индивидуального становления, отраженная
в детских грезах, школьных рукописях и других ранних материалах*

Перевод с английского Ф.Р.Филатова

Сабина Шпильрейн родилась 25-го октября 1885 г. в Ростове-на-Дону и была первым ребенком в семье богатого еврейского коммерсанта Николая Шпильрейна и его жены Евы Люблинской, ставшей пионером женского образования в России. Сабина – старшая из пяти детей, ее младшая сестра скончалась в раннем детском возрасте. Сабина была очень ярким, чувствительным и восприимчивым ребенком и окончила гимназию с золотой медалью. Вместе с тем на ее долю выпали трудное детство и юность, вследствие чего развилась тяжелая невротическая симптоматика. По окончании гимназии семья перевозит Сабину на Запад – для прохождения лечения. В августе 1904 г. Сабина Шпильрейн прибывает в Цюрих, где она становится – по ее собственному настоянию – пациенткой прославленной цюрихской клиники – Бургхёльцли.

Возглавляемая профессором Эугеном Блейлером (1857 – 1939), Бургхёльцли оказалась первой и единственной клиникой, на базе которой проводились эксперименты в области психоанализа – инновационного метода терапии, созданного неким доктором Фрейдом из Вены. Пребывание в Бургхёльцли и лечение под руководством К.Г.Юнга помогают Сабине Шпильрейн открыть новые жизненные перспективы. Позднее она становится доктором медицины, уважаемым и признанным пионером психоанализа, работая во всех наиболее значительных центрах психоаналитического движения: в Цюрихе, Вене, Берлине, Женеве, Москве. Но терапия приносит также скорбь и вред пациентке: юная Сабина и двадцатидевятилетний Юнг, женатый на Эмме Юнг, влюбляются друг в друга – этой привязанности не суждено было исчезнуть окончательно. Одно из достижений, которым психоанализ обязан Шпильрейн, состоит в том, что под влиянием ее случая Фрейд и Юнг признали значение (важность) контрпереноса. С тех пор прохождение личного анализа выступает базовым компонентом в обучении психоаналитиков во всем мире.

Для женщины ее эпохи и круга, Сабина Шпильрейн сделала исключительную карьеру. В этом огромная заслуга ее отца – ключевой фигуры ее детства, с которой она идентифицировалась. Николай Шпильрейн происходил из бедной крестьянской семьи, проживавшей в Варшаве. Он владел несколькими иностранными языками, а также древне-еврейским, греческим и классической латынью. Кроме того, у него был широкий спектр интересов в научной сфере; он являлся неистовым сторонником Просвещения и реформаторских идей, которые входили в моду на западе. По этой причине, Николай и Ева Шпильрейн не сочли нужным отдавать детей в популярный в Ростове французский детский сад, а вместо этого наняли им частного учителя, который придерживался педагогических принципов Фредерика Вильгельма Августа Фребеля, последователя Песталоцци.

Купец Николай Шпильрейн любил своих детей превыше всего. Он мечтал дать им лучшее образование и всё лучшее, что необходимо для жизни – жизни, всецело посвященной науке и освобожденной от необходимости зарабатывать на пропитание. Четверо его детей, включая и Сабину, будут учиться у лучших педагогов и поступят в лучшие университеты. «Моей мечтой

¹ Текст доклада, прочитанного на презентации русского издания биографической книги С.Рихебехер *«Сабина Шпильрейн: почти жестокая любовь к науке»* (Ростов-на-Дону: «Феникс», 2007, 413 с.), в рамках 4-го международного междисциплинарного симпозиума памяти С.Н.Шпильрейн «Психология кризиса и кризисных состояний», 26 мая 2007 г.

было иметь достаточно сил и мужества, чтобы все четверо могли устремиться к небесам», – так писал он годы спустя в письме к своей дочери Сабине, обучавшейся тогда в Цюрихе (20 апреля 1910). Чтобы воплотить в жизнь свой проект, папаша Шпильрейн применял весьма жесткую (ригидную) схему обучения и жестоко обращался с детьми. Например, в определенные дни недели они могли говорить только на немецком, французском или другом иностранном языке. Если ребенок осмеливался нарушить эти правила, следовало суровое наказание.

Сабина росла одаренной, весьма восприимчивой, ранимой и часто болеющей девочкой. Чрезмерные требования к ней отца, желавшего, чтобы она была лучшей в классе, крайне напряженная атмосфера в престижном семейном особняке на ул. Пушкинской с постоянно утомленной, нервной матерью, многочисленные конфликты с тремя легко возбудимыми и дерзкими братьями – все это подавляло ее.

Дневники школьницы Сабины

Четверг, 12-го сентября 1896 г. отмечен наиболее важным событием в жизни юной Сабины: то был ее первый день в Екатерининской гимназии в Ростове-на-Дону. И в этот же день она начала вести дневник. Ее юношеские дневники составляют три тетради: первая запись относится к 12 сентября 1896 г., последняя датирована 9-м августа 1902 г. Она писала пером и чернилами, четко выводя буквы кириллицы, старого русского алфавита, который использовался в России вплоть до свержения царя и проведенной большевиками орфографической реформы.

В противоположность педантичному каллиграфическому почерку ее ежедневных дневниковых записей на последних страницах сабининых тетрадей обнаруживаются причудливые рисунки и беспорядочные каракули. Например, она рисует черта с горизонтальной двойной спиралью вместо глаз; по обе стороны от него карябает изображения гробов и скелетов и рядом делает надпись «Черт». Искаженные гримасами морды ухмыляются, дразнят зрителя; затем она рисует идеализированный образ юной женщины (автопортрет?) с выразительными черными глазами и длинными развевающимися волосами.

Так или иначе, нам известны лишь весьма немногочисленные дневники, написанные психоаналитиками, и, по моим сведениям, только «Дневник девушки» (1922), принадлежащий пионеру австрийского детского психоанализа, Гермине Хьюг-Хельмут (Hermine Hug-Hellmuth), относится к столь юному возрасту. Так что для нас дневники Сабины Шпильрейн – бесценный подарок. Я перечитываю эти дневники, чтобы лучше исследовать процесс ее эмоционального становления. Меня в особенности интересует вопрос, что было характерно и типично для нее? Возможно ли узнать будущего ученого в записках юной девушки?

Я начну со сновидения, записанного в дневник 11-го августа 1897 г. одиннадцатилетней Сабинкой. *«Сон. Мама села в дрожки и взяла с собой Яшу, Саню и меня. Мы поехали в Москву. Яша на дрожках был очень непослушным, и мама отправила Яшу и Саню домой, чтобы что-то принесли. Мама выехала со мной (на ... улицу), (...) ведущую в степь. Я подумала, что Яша и Саня будут очень огорчены. Вдруг пришел папа и сказал, что Яша вообще не хочет ехать. Мы захотели ехать сразу, но я вспомнила, что забыла свои книги. Мама спросила, почему я вспомнила об этом только теперь (...), и сказала, я должна их быстро принести. Я пошла, хотя я очень боялась идти одна. Я шла так быстро и на углу Скобелевской [улицы] увидела, как собака летает и кружится в воздухе (кроме меня на улице никого не было). Я предположила, что собака бешеная и знала, что она нападет на меня. Я схватила её за морду, но собаке удалось слегка укусить меня за руку. Я начала с ней бороться и проснулась»* (WW 140).

Первая часть сновидения представляет исполнение желания: мать отправляет домой непослушных братьев, смутьяны удалены, можно начать путешествие. Но вместо этого появляется отец, и его появление прерывает безмятежное и приятное со-бытие (дословно «бытие-вместе» – being-together) матери и дочери. Когда на сцене (сна) появляется отец, сновидица также вспоминает, что она забыла свои книги дома. Она отправляется за ними совершенно одна, хотя и сильно напугана. Похоже, что пес, с которым борется Сабина, символизирует в ее сновидении отца: он – агрессор, вторгающийся между матерью и дочерью.

«Отец-пес», старающийся укунить сновидицу, выступает воплощением зла. Но он также одержим, подвержен наваждениям – такова точка зрения Сабины, отраженная в сновидении, – а значит, он болен, он действительно страдает.

Школьница Сабина увлечена сновидениями – и это неудивительно, если мы вспомним, что ее мать Ева происходила из семьи хасида и была очень набожна. Позднее Сабина-аналитик будет часто писать о сновидениях и толковании сновидений в своих статьях (Например: *Traum vom «Pater Freudenreich»*, 1913; *Zwei Mensesträume*, 1914; *Briefmarkentraum*, 1922).

В ранние годы Сабина развивает в себе талант скрытого наблюдения и способность к вербальному самовыражению, в частности в языковых играх. Она получает удовольствие от неожиданных (слово)сочетаний, например, в ее отчете 1901 г. о путешествии на Запад, где она отмечает, что «кучера [в Берлине] носят цилиндр и перчатки, и это придает им вид настоящих ученых обезьян» (2 июля 1901, WW 165). Для меня было неожиданностью обнаружить, что 15-летняя Сабина на протяжении нескольких дней самостоятельно производила лингвистические сравнения между русским, английским, немецким и французским языками. «Я не могу записать все это, – отмечает она, – эта тема слишком обширна, чтобы освещать её в дневнике» (15 – 16 июля 1901, WW 168f). Эти лингвистические интересы останутся с Сабиной на протяжении всей её жизни. В своей научной работе она будет иногда сочетать психоанализ с лингвистическими находками. И как психоаналитик первой волны, она будет исследовать развитие речи в детском возрасте, задаваясь вопросом: как связаны развитие мышления и речи? (см., например, работу *О происхождении слов «Мама» и «Папа»*, 1922, где она развивает интереснейшую трёхфазовую теорию о значении материнской груди и сосания для развития ребенка, в особенности, для развития языка).

Регулярные дневниковые записи Сабины обрываются 25-го июля 1901 г. За исключением короткой заметки в ноябре она ничего не писала почти год. После возвращения домой с Запада, где в 1901 г. были проведены летние каникулы, младшая сестра Сабины, маленькая Милочка заболевает брюшным тифом и умирает. Вскоре после этого умирает и любимая бабушка – единственная фигура в семье, с которой Сабина чувствовала взаимопонимание и которая не вызывала у неё страха. «Как трудно живётся без бабушки», – пишет она (26 февраля 1900, WW 158f). Впоследствии Сабина впадает в крайне тяжелое психическое состояние, характеризующееся уходами в депрессию. В детстве Сабина была весьма набожна; теперь, взрослея, она вовлекается в болезненный процесс отделения от религии – и постепенно теряет и эту поддержку.

Дневник Сабины в августе 1902 г. завершает рассказ о том, как молодая женщина путешествует совершенно одна железной дорогой. Ребекка Самуиловна Бронштейн покидает дом и отправляется на обучение за границу. Пока поезд тащится сквозь полуденный зной, она втягивается в беседу с попутчиками. Одна из дам в купе русская, брюнетка 45-ти лет. Она поддерживает беседу с юной женщиной, находя ее очаровательной и привлекательной, пока не узнает ее имя. «Да она еврейка!» – восклицает дама, и доброжелательная улыбка сменяется презрительной гримасой, и она шепчет мужу с отвращением: «Она еврейка!» («Aufsatz. Bilder aus der Natur», 9 августа 1902, WW 175 – 177).

С этого момента фантазии Сабины Шпильрейн и её планы на будущее, как они выражены в дневнике, ориентированы на традиционные ценности. Она размышляет о замужестве, рождении детей, и её родители играют в этих планах существенную роль. Ее желание стать врачом, фантазия одиннадцатилетней Сабины о том, как дедушка Рабби Люблинский благословляет ее стать доктором, могут быть охарактеризованы скорее как приносящие удовольствие грёзы, нежели как реалистические перспективы. Рассказ 1902 года демонстрирует нам, что присущий Сабине образ мыслей, её восприятие, чувства, вся её личность в целом становятся более зрелыми. Идеи о её собственном будущем становятся более индивидуальными и реалистичными. Фигура Ребекки Самуиловны показывает нам, что Сабина уже может представить себе отделение от семьи и отъезд из дома. Её страстное желание стать врачом тоже представляется нам более реалистичным. Каждая еврейская женщина в царской России,

которая хочет реализовать такой свой замысел, должна покинуть родину, семью и друзей и должна быть способна вынести чувство одиночества.

С этого момента самоопределение Сабины по вопросу её еврейского происхождения остаётся важнейшей темой, лейтмотивом её жизни. Решится ли она сделать выбор в пользу «Западного» мира, мира Просвещения и науки, представленного фигурой её отца. Или ей следует выбрать Восточный, русско-еврейский мир религии, мир её матери. В этом лейтмотиве слышится предвестие её ужасной смерти от рук эсесовцев из гитлеровских бригад смерти в Ростове-на-Дону летом 1942 г.

Пребывание в Бургхёльцли

Окончив гимназию, Сабина Шпильрейн оказалась без каких-либо перспектив. Как женщина, в особенности, еврейка, она не имела шансов поступить в университет в России. А традиционное решение – выйти замуж, которое было бы для её матери наиболее предпочтительным, страшило её. Ситуация в доме на Пушкинской становилась невыносимой. Состояние Сабины неуклонно ухудшалось: у неё наблюдались выраженные тики, она была подвержена навязчивому кривлянию, отказывалась от трапезы за семейным столом, заметно теряла вес и могла даже ударить мать.

Сегодня мы могли бы назвать её состояние юношеским кризисом. Но в начале XX в. эта точка зрения еще не рассматривалась в психологии и психоанализе. К счастью, родители Сабины были образованными людьми и понимали, что их дочь страдает от невротических симптомов. Они были хорошо информированы и знали, где искать докторов. Так летом Ева Люблинская и её брат, врач д-р Люблинский отправляются вместе с Сабиной в Швейцарию. Здесь, после обходных маневров и разочарований в клинике на водах в Интерлакен и после визита к известному русскому неврологу Константину фон Монакову в Цюрихе, она была госпитализирована в клинику Бургхёльцли.

Больничная карта Сабины Шпильрейн под номером 8793 хранится сегодня в Государственном Архиве Швейцарии, в Цюрихе. Тринадцать страниц заполнены рукописными и машинописными записями К.Г. Юнга, две страницы заполнил Блейлер. Карта была составлена Юнгом и включала обычную информацию: имя, место рождения, место проживания, социальное положение. Религия была обозначена как «иудаизм». Под графой «предварительный диагноз» значилось «истерия»; окончательный диагноз также «истерия». Юнг становится терапевтом Сабины. Годы позже в письме к Фрейду он обмолвится, что она была первой пациенткой, которую он пытался лечить, применяя психоанализ (4 июня 1909, FJB 252).

На протяжении девяти месяцев Сабина находилась в Бургхёльцли. В этот период её доктор всячески поощрял её научные интересы. И в Бургхёльцли Сабина встречает женщин-медиков, таких как швейцарка Эмма Фюрст и студентка Фейга Берг. Фейга приехала из России, она происходила из еврейской семьи в Могилёве и обучалась медицине в Цюрихском университете. Она пришла работать в клинику ассистенткой, когда Сабина Шпильрейн проходила лечение. Две молодые женщины подружились, и Фейга вовлекла Сабину в обучение. Позднее обе они жили на временное пособие. Фейга была потрясена ошеломляющими темпами развития Сабины и заботилась о том, чтобы та записывала свои переживания: «Корреспонденция. Цюрихские психиатрические впечатления» будут опубликованы в русском журнале «Современная психиатрия» – это один из первых текстов по психоанализу, опубликованных в России, содержащий, разумеется, анонимную, историю болезни и лечения Сабины Шпильрейн.

Но вернёмся в 1904 г. Сабина взяла с собой из России свою записную книжку и в октябре 1904 возобновила записи. Она делала это тайно, скрывая сам факт ведения дневника от Юнга. Она сочинила несколько стихотворений, и я хочу привести для вас один из образцов её поэзии:

Пусто, мрачно и зябко,
Пусто и мрачно вокруг.

Я совсем одна в этом мире,
Совсем одна.
Ни отца дорогого,
Ни матери дорогой,
Ни родной крыши над головой.
Никому не могу доверить я свои мысли.
Моя голова,
Голова, моя бедная маленькая голова.
Нет нигде тебе отдохновения,
Негде тебя преклонить.
Моё бедное сердце,
Моё разбитое сердце,
Почему так тревожно, почему так жалобно,
Почему так больно стучишь ты?
Мрачные ожидания,
Невыразимые муки.
Ох, юность моя миновала,
Ох, жизнь моя загублена.

(Октябрь 1909, WW 178,
подстрочный перевод с английского по тексту С.Рихебехер)

В своих стихах Сабина пытается выразить и проработать чувства одиночества и покинутости. Несмотря на переполох, произведённый ею за пределами клиники, депрессивное состояние царствует в её внутреннем мире. Она размышляет о смерти и пишет «Последнюю Волю» – первый текст на немецком языке! Той же осенью она сочиняет сказку на русском, символические компоненты которой сообщают нам многое о конфликтах Сабины с отцом и матерью, о трудностях, которые ей пришлось встретить на суровом пути взросления и становления независимой личностью.

Царская дочь

Прелюдия этой истории – бесшабашно смелый и веселый поход молодых людей в великолепный заснеженный лес лунной ночью. Рассказчица (она же персонаж истории) удаляется от своих друзей и попадает в заколдованный мир Лесного царя и его дочери Мэри. Далее приведу выдержку из текста:

«Я немного отстала от других. Захотелось помечтать. За деревьями четко обозначилась фигура Лесного царя с блестящей короной, рядом с ним – лесные феи в сверкающих одеждах. Одна из них стоит печально у дерева, глаза опущены, в руках что-то похожее на гитару, слышны тихие, берedaющие душу звуки пения, сердце разрывается от сочувствия. Я приближаюсь, смотрю в ее бледное красивое лицо, и оно кажется мне невероятно близким и знакомым. Она медленно открывает глаза, устало поднимает руку и отбрасывает назад черные локоны. Этот взгляд пронизывает меня, как будто выражает все страдания человечества, тайную, глубокую печаль и немой укор. Ее губы двигаются, словно она хочет что-то сказать, но тут раздается голос Лесного царя. Девушка оборачивается как тень и подходит к царю, который сидит в золотом кресле, в блестящей зеленой мантии, бледный, неподвижный и хмурый» (Октябрь 1904, WW 178-182).

В образе царя нетрудно узнать деспотичного отца Сабины, который превращает свою дочь в собственную безмолвную тень, лишая ее способности говорить. Мэри страдает пассивно, у нее нет голоса, ее никто не слышит, она не может поведать о том, каково ей.

По мере развития сюжета, царь исчезает в лесу, а молодые люди попадают в избушку на курьих ножках, типичную для русской Бабы Яги. Ее хозяйка – тощая старуха с одним единственным красным глазом. Она очень злая. Мать учила Сабину, что красным цветом на

небе записаны все грехи. Злая мать-ведьма мучает детей: в одном углу избышки лежит зажаренный ребенок; «бедный Иванушка», еще один персонаж из русских сказок, варится и стонет в котле. В наиболее известной из опубликованных работ Шпильрейн «Деструкция как причина становления» она позднее будет разрабатывать тему образа ведьмы как символа матери глазами юной девушки (Destruktion 468).

История показывает, как мучается Сабина и от внутренних противоречий, и от внешнего давления. Мать-ведьма не способна защитить ее от чего-либо. В этой угрожающей ситуации рассказчица находит убежище в одном из детских воспоминаний: «...легкий ветерок играет моими волосами как няня когда-то в далеком детстве. Я вижу только нежно склонившееся надо мной морщинистое лицо пожилой женщины, слышу ее тихий, монотонный голос: «Жила-была добрая царевна...» (конец цитаты!).

Но грезы и фантазии не могут обеспечить надежной защиты; успокаивающий эффект от появления в истории старой няни не сохраняется надолго.

Сабина пишет это в полночь, в своей комнате в палате первого класса в Бургхельцли. Окно выходит во двор с фонтаном. Звук струящейся воды навевает размышления о живописном Цюрихском озере... Затем настроение писательницы резко меняется. Цитирую: «Это недолго было озером и вскоре превратилось в безграничное море такой яркой синевы, что больно было даже смотреть на него. Посреди моря возвышалась крутая скала, мрачная и зловещая, с зияющими глазницами ущелий. Из одного ущелья показалась голова некоего отвратительного монстра – с огненно-красными глазами, огромными крыльями и ужасными острыми когтями. Тысячи змей с разноцветной сверкающей чешуёй извиваются на крутом склоне, обнажая чёрные ядовитые зубы... в поисках добычи...» (конец цитаты).

Природа восстает и приходит в волнение. Поднимается буря. Просторное безмятежное море превращается в неистового зверя. Внезапно на вершине скалы появляется царевна с факелом в одной и гитарой в другой руке. Против молний, ветра, бушующего моря она стоит совершенно одна; тонкие белые пальцы ударяют по гитарным струнам. Она начинает петь, ее голос звучит все сильнее и сильнее, набирая силу, даже превосходящую рев разыгравшейся бури. Сабина пишет: «Мне казалось, что я могу понять, о чем поет Мэри, нет, не слова, а что-то другое. Это было много лет назад. Мэри, неукротимая и гордая дочь царя, живет на этой скале в море».

Рассказ завершается, когда Мэри обретает достаточно сильный голос, чтобы ее скорбь и боль были услышаны. Сабина Шпильрейн тоже пытается рассказать о своих тяжелых переживаниях, выразить их на бумаге. Как и царевна, молодая русская дама горда и одинока на своей вершине – в Бургхельцли (что буквально означает «замок-лес»). Она живет вдали от Родины, среди чужой культуры, в психиатрической лечебнице. Часы, которые она проводит вместе со своим терапевтом Юнгом, озаряют яркими всполохами серое течение этих дней. Он внимательно выслушивает ее, он здесь ради нее, в нем она находит разумного собеседника. Сабине еще не исполнилось и 19-ти лет, и она пребывает в беспрестанном поиске понимающей отцовской фигуры. Юнг – высокий, статный, белокурый, в очках в золотой оправе – как Николай Шпильрейн. Нет сомнений, Сабина влюбится в этого подтянутого молодого доктора – это предчувствовала ее мать при первой же их встрече.

Хотя его ситуация, на первый взгляд, может показаться совершенно иной, Юнг тоже по-своему одинок. Оба, Юнг и Шпильрейн, страдали и чувствовали себя незащищенными в детстве и юности, они встретили друг друга, ощущая большую потребность в любви и восхищении. Для Юнга его русская пациентка стала чем-то большим, чем просто интересный «случай из практики». Общась с неброско одетой девушкой, которая все еще заплетает волосы в девичью косу, Юнг приобретает важный личный и профессиональный опыт. И когда она смотрит на него восхищенно-влюбленными глазами, как на своего идола, он охотно подыгрывает ей.

У Сабины входит в привычку развлекать других пациентов историями о Марсе. Она утверждает, что каждую ночь совершает путешествие на Марс. Марсиане ничего не едят, заявляет она, они поддерживают себя осмосом. Они также не размножаются. Вместо этого дети

стремительно развиваются в подсознании индивидуумов и появляются однажды без особых трудностей. Во второй половине XIX века Марс был очень популярной темой, как для обывателей, так и для ученых, неистово искавших внеземную жизнь. Такие книги, как *Популярная астрономия* (1881) Камиля Фламариона, свидетельствуют о том, что образы Марса и марсиан поселились в головах многих людей. Юнг дал Сабине почитать свою диссертацию, и из нее она узнала, что его кузина Гелла произвела на него сильное впечатление историями о Марсе. Может ли Сабина сделать то же самое и даже лучше?

То, что в свои девятнадцать лет Сабина Шпильрейн развивает теории продолжения рода, напоминая представления раннего детства, отчасти объясняется принципами воспитания в «благородных семьях» того времени. Вопреки своему медицинскому образованию, Ева Шпильрейн чрезвычайно гордится «невинностью» своей дочери. Отчасти такой воображает себя и сама Сабина. Но есть нечто сверх этого! В рассказе о царской дочери Мэри Сабина нарисовала картину угрожающей отвесной скалы, возвышающейся посреди бушующего моря. На вершине стоит Мэри, тогда как по склону ползут, извиваясь, тысячи змей. Раскрыв черные пасти, они своими длинными спиралевидными языками ищут добычу. Сабина боится собственной сексуальности, которую воспринимает как нечто двусмысленное: змеи с цветной и сверкающей чешуей завораживают и возбуждают, но вместе с тем они опасны и неуправляемы. Кроме того, она боится мужчин. Наряду с этими внутренними факторами реальные внешние изменения в жизненной ситуации К.Г.Юнга становятся поводом для беспокойства его пациентки: Юнг со своей беременной женой как раз в это время переезжает в квартиру на территории Бургхельцли. Вероятно именно это обстоятельство (т.е. беременность жены Юнга) побуждает Сабину настаивать на том, что существует несексуальный способ продолжения рода, как это описано в ее рассказах о планете Марс.

«Казачьи пони»

В апреле 1905 г., – по-прежнему находясь в клинике, – Сабина Шпильрейн регистрируется в Цюрихском университете для зачисления на медицинский факультет. Тот факт, что русские женщины обучались в Швейцарии, был, в самом деле, феноменом исключительным. На протяжении нескольких десятилетий среди женщин в высших учебных заведениях Швейцарии преобладали женщины из Царской России. «Казачьи пони» – весьма двусмысленное прозвище, данное швейцарцами этим гостям с Востока, так отличавшимся, и внешне, и манерами от швейцарских женщин. Швейцарские женщины не имели даже среднего образования, да и вообще не собирались учиться!

Первой женщиной, приехавшей обучаться в Швейцарию, была Надежда Сулова (1843 – 1918). Она обучалась на курсах в Петербургской медико-хирургической академии. Однако после того как несколько слушательниц «скомпрометировали» себя во время студенческих волнений в зимнем семестре 1861/62 года, все женщины были исключены из академии. Когда в 1865 году Надежда прибыла в новый, либеральный университет города Цюриха с намерением продолжать обучение, руководство решилось на рискованный эксперимент. Правила присвоения ученых степеней были впоследствии интерпретированы так, что в 1867 г. Сулова смогла получить степень доктора медицины: это событие было отмечено в *Neue Zürcher Zeitung*, а также произвело своего рода сенсацию в российской прессе. Таким образом, Цюрихский университет стал одним из первых высших учебных заведений, легализовавших обучение женщин. Надежда была студенткой Августа Фореля (1848 – 1931), который позднее возглавил Бургхельцли. Форель так впечатлен успехами Надежды и других женщин-студенток из России, обучавшихся у него в Цюрихе, что обеспечивает женщинам-врачам возможность работать в Бургхельцли – эту традицию продолжит и его приемник Эуген Блейлер.

Сабина Шпильрейн обучается с апреля 1905 по март 1911 гг., и на этот период приходится второй пик образовательной активности русских в Швейцарии. Например, в течение зимнего семестра 1906 – 1907 гг. из России прибыло 2322 студента – это 36 процентов от общего числа студентов, обучавшихся в Швейцарии (6444). Большинство русских студентов – 1507 из них – женщины. Среди них, конечно, совсем немного людей из Ростова, помимо Сабины: таких как

Фанни Шалевски, опубликовавшая работу по психоанализу, брат и сестры Кацманн – Абрахам, Песия-Либе и Хана.

Первые научные работы Сабины Шпильрейн

Сабина Шпильрейн опубликовала более 30-ти научных статей. Поначалу она писала на немецком, позднее по-французски, и только ее последние работы написаны на родном русском. В контексте обсуждаемых нами вопросов было бы интересно посмотреть ее первые публикации.

Первой научной работой Шпильрейн стала ее диссертация «О психологическом содержании одного случая шизофрении (*dementia praecox*)» (1911). В ней она описывает, как проводила в Бургхельцли терапевтические сессии с одной интеллектуально развитой пациенткой, страдавшей шизофренией. Она вела подробные протоколы своих бесед с пациенткой. Поначалу все произносимое пациенткой кажется лишенным какого-либо смысла. Но затем ее терапевт группирует материал и объясняет его читателю таким образом, что становится возможным понять чувства, на первый взгляд, бессвязные речи и бессознательные конфликты пациентки.

Диссертация Шпильрейн – убедительное исследование конкретного терапевтического случая и реальный пример новаторской работы по изучению психоза. Она демонстрирует ее тонкое чувство языка (лингвистическую восприимчивость) и ее талант улавливать и расшифровывать темные символы бессознательных процессов. «О психологическом содержании одного случая шизофрении (*dementia praecox*)» (1911) – также и первая психоаналитически ориентированная диссертация, написанная женщиной. Все трое – Фрейд, Юнг и Блейлер – с энтузиазмом встретили работу Шпильрейн, и она была незамедлительно опубликована в прославленном *Ежегоднике психоаналитических и психопатологических исследований*.

Диссертация Шпильрейн и диссертации нескольких ее приятелей-студентов, по большей части русских, представляли собой психоаналитически-ориентированные описания случаев терапии или экспериментов с тестом словесных ассоциаций, которые проводились в экспериментальной лаборатории Бургхельцли. Их новаторская работа имела большое значение для Фрейда, так как обеспечивала научное доказательство существования бессознательных мотивов, в котором юное психоаналитическое движение так отчаянно нуждалось для обретения признания в академических кругах. Сегодня, если мы сравним диссертацию Шпильрейн с диссертациями таких ее друзей-студентов, как Макс Эйтингон, Эстер Аптекман, Шейна Гребельская и др., ее работа будет, несомненно, выделяться на их фоне: не только по объему, но и по креативности, оригинальности подхода и теоретических построений.

Влечение к смерти – русский вклад в психоанализ

Подобно многим пионерам психоанализа, Шпильрейн часто начинает свои теоретические работы с образцов самоисследования. Она берет материал, который собирается анализировать, из собственной практики, из своего личного опыта. Статьи Шпильрейн оставляют у читателя впечатление, что она осознанно применяет этот метод, чтобы также проработать свой биографический опыт и личностные конфликты. Эта структура письма наиболее отчетливо обнаруживается в самой известной её работе «Деструкция как причина становления» (1912). В данной статье Шпильрейн размышляет о своем собственном личном опыте любви и разочаровании в своем терапевте и возлюбленном, Юнге. Следуя этим путем, она развивает парадоксальную теорию женской преданности и вводит в психоанализ идею первичного деструктивного импульса (влечения).

Весной 1911 г., завершив свое исследование, Шпильрейн покидает Цюрих, покидает Юнга. Она отправляется в Мюнхен, чтобы написать свою новую научную работу. «Деструкция как причина становления» (1912) – это любовное письмо, написанное после окончания любви. Эта статья представляет собой символического, сублимированного ребенка, которого она преподносит как дар Юнгу, – вместо ребенка реального, желанного «Зигфрида», мальчика, о

котором они так часто говорили с Юнгом. Ни в одной работе, ни до, ни после, она не будет отстаивать «юнгианскую линию» с такой убежденностью. И все это пишется под аккомпанемент отчаянья, от которого автор восходит до уровня самоанализа.

Инстинкт продолжения рода, утверждает Шпильрейн, образует единство со своей противоположностью: «*Страстное влечение – т.е. libido – имеет две ипостаси; это сила, которая может преобразить все, и, в то же время, способна всё разрушить*». Она выдвигает гипотезу о существовании парадоксального деструктивного влечения, опираясь на данные биологии, клеточной теории, философии и мифологии; ссылаясь на сновидения пациентов и наблюдения за детьми; цитируя художественную литературу, писания раввинов и сочинения психоаналитиков.

В последней части, названной «*О жизни и смерти в мифологии*» Шпильрейн отсылает нас к фрейдовской концепции «*любви по типу спасителя*» (Vgl Beiträge zur Psychologie des Liebeslebens. Über einen besonderen Typus der Objektwahl beim Mann, 1910, in GW VIII 66-91), которую она связывает с моделью любви Рихарда Вагнера: «Общее у вагнеровских героев то, что они, как Зигфрид и Брунхильда, любят друг друга по типу спасителя, ибо они жертвуют своей любовью и умирают». От внимания Сабины Шпильрейн вряд ли ускользнуло и то, что сама она любит по типу спасителя и что дитя ее фантазии Зигфрид также представляет собой фигуру спасителя.

Фантазия Сабины Шпильрейн на тему Зигфрида многообразно детерминирована и изменяется с годами. Когда она в восемнадцать лет познакомилась с Юнгом, она была – как молодой Зигфрид – человеком на пороге взросления. Роль природы у Вагнера соответствовала романтическим представлениям Сабины о природе. Вероятно, поэтому ей так нравится *Рейнгольд*². Именно здесь, в сказочно неотягощённом истоке мира еще царит ясная, музыкальная гармония, царит до того момента, когда вместе с отказом от любви, с добычей золота и его техническим использованием в мир приходит Зло.

Юный Зигфрид также дитя природы, выросший среди лесов, вдали от цивилизации и человеческого общества. Зигфрид, по Вагнеру, единственный действительно свободный человек, движимый инстинктом, а не разумом: он наивен, спонтанен, беспощаден и не обременен всеми общественными условностями и традициями. Как дитя природы он понимает язык животных и выражает себя посредством песни – средство, которое Сабина охотно использует сама... Зигфрид – это отпрыск внебрачного союза Зиглинды и ее брата-близнеца Зигмунда. С его зачатием божественный и человеческий порядок нарушается по двум причинам: из-за инцеста и из-за супружеской измены. Именно поэтому Зигфрид такой необыкновенный, что он может быть тем героем, которого его дед Вотан видит «спасителем мира». И у Сабины Шпильрейн есть «кровосмесительные желания»: она хочет родить ребенка от своего аналитического «отца». Она хочет подарить Юнгу нечто особенное – Зигфрида, сына, о котором они часто говорили с ним.

То, что русская еврейка Сабина Шпильрейн выбрала себе белокурого Зигфрида в качестве идеала, что она идентифицирует себя с нордической Брунхильдой, наводит на размышления. Вагнер отстаивает идеал «свободной любви, которая для самой себя и основание, и закон». Часто женские персонажи в «Кольце Нибелунгов» – это сильные, независимые личности, у которых есть вкус к борьбе и которые умеют управлять, пользуясь мужским оружием. Первая часть *Кольца* названа в честь Брунхильды: *Валькирия*.

Сначала Брунхильда – настоящая дикарка, эмоционально фиксированная на своём отце Вотане и еще не способная к любви. Как и Брунхильда, Сабина Шпильрейн – тоже дочь своего отца. Как и Брунхильда, она поначалу не хочет становиться взрослой и не знает любви. Когда Брунхильда противопоставляет себя Вотану, её приговаривают к вечному сну на вершине скалы, её охраняет и оберегает огонь. Также и Сабина Шпильрейн противостоит отцу и оказывается в Бургхельцли, на вершине холма, охраняемая и, в то же время, удерживаемая

² Подразумевается прославленное «Кольцо Нибелунгов» Рихарда Вагнера. «Рейнгольд» – одна из частей тетралогии, в русском переводе – «Золото Рейна». *Примечание Ф.Р.Филатова.*

высокими стенами. В фантазиях Сабины Зигфрид также олицетворяет Юнга. Так же как поцелуй Зигфрида пробуждает Брунхильду от схожего со смертью сна, элегантный молодой врач помогает Сабине вернуться к жизни. Сцена освобождения Брунхильды в опере *Валькирия* могла бы напомнить Сабине Шпильрейн ее собственную сказку о царской дочери Мери, которую она написала в Бургхёльцли в 1904 году. Мери также пребывает в заточении на высокой скале, но она окружена не огнём, как Брунхильда, а ужасными змеями, обнажившими свои языки.

В заключительной сцене *Гибели богов* (*Götterdämmerung*, третий и финальный день «Кольца») Брунхильда вскакивает на своего верного коня и бросается в пылающий погребальный костер Зигфрида – таким образом, погибая в (любовном) пламени. Смерть Брунхильды – это ее слияние с Зигфридом в огне. «Здесь смерть – триумфальная песня любви!» – пишет Шпильрейн и цитирует Вагнера:

Ни нажитое добро, ни злато,
Ни божественная роскошь,
Ни дворец, ни двор королевский,
Ни величие власти,
Ни запутанный договор,
Ни обманный союз,
Ни лицемерный обычай
Не отменят суровый закон:
И блаженство, и горе
Дарует Любовь.

В этой сцене Сабина Шпильрейн узнает свой идеал любви.

«Дорогой!» – пишет Сабина Юнгу, – примите продукт нашей любви – мою работу [...] Вашего сыночка Зигфрида». И она напоминает Юнгу о его обещании поместить в июле ее статью в *Ежегоднике*.

Вечером 29 ноября 1911 г. Шпильрейн представила выдержки из своей новой работы Фрейду и Венскому Психодинамическому Обществу. Она задается вопросом: В силу чего мы способны испытывать удовлетворение от страдания и удовольствие от боли? Она утверждает, что существуют побуждения, которые движут нашей душой, не заботясь о благополучии Эго (индивидуального Я). Шпильрейн выражает идеи, совершенно новые для психоаналитического сообщества! В 1911 г. исследования Я и Сверх-Я были еще только на начальной стадии: клинические феномены, такие как мазохизм, трактовались исключительно как сексуальные извращения (перверсии). Шпильрейн пытается взглянуть на загадку мазохизма под новым углом – в аспекте Эго-психологии, как мы сказали бы сегодня! Но она не может приблизиться к разгадке, потому что безнадежно пытается интегрировать свои открытия в существовавшую тогда теорию влечений – посредством создания новых терминов, таких как деструктивное влечение (*Destruktionstrieb*) и влечение к трансформации (*Transformationstrieb*). Однако в границах фрейдовской концепции влечений невозможно объяснить мазохизм.

В 1911 г. Фрейд не готов принять идеи Шпильрейн. Ему вообще пришлось не по душе ее «деструктивное влечение» и в письме Юнгу он объясняет появление этого конструкта, ссылаясь на ее «амбивалентный русский характер». Австрийский психоаналитик Отто Гросс, вдохновленный Шпильрейн, пишет работу «О символизме деструкции» (1914). Шандор Ференчи цитирует ее статью в своей статье «Проблема принятия неприятных идей» (1926). Сам Фрейд позднее создаст третью и последнюю теорию влечений, противопоставив Эрос и Танатос. В сноске к статье на эту тему³ он, наконец, признает Шпильрейн пионером в области изучения деструктивного элемента психики.

³ «По ту сторону принципа удовольствия», 1920 (примеч. переводчика).

Некоторые аспекты учения, которое Шпильрейн развивает в работе «Деструкция как причина становления» (1912), связаны с русской философской традицией, с идеями таких философов, как Владимир Соловьев (1853 – 1900) и Вячеслав Иванов (1866 – 1949), а также с воззрениями русского ученого, лауреата Нобелевской премии Ильи Мечникова (1845 – 1916). Таким образом, мы действительно можем заключить, что «деструктивное влечение» – это русский вклад в психоанализ.

В 1912 г. новая работа Шпильрейн публикуется в *Психоаналитическом Ежегоднике*.

...

Я хочу сказать в завершение несколько слов о роли Сабины Шпильрейн как пионера психоанализа.

Ее ценили Фрейд, Юнг, а позднее, молодые аналитики левых политических взглядов, такие как Отто Фенихель, потому что она была оригинальным и креативным мыслителем. Сабина Шпильрейн обладала замечательной интуицией и великим талантом в понимании бессознательного. В своей научной работе она оставалась неутомима и полна энтузиазма и не прекращала ее, несмотря на тяготы и лишения, в самые трудные времена бедности, личных потрясений и даже голода. Подзаголовок моей биографии «Почти жестокая любовь к науке» подчеркивает это. Цитата взята из полного упрёков письма, написанного Павлом Шефтелем, мужем Сабины Шпильрейн, своей жене в Женеву. По его мнению, ничто в мире не было так значимо для нее, как ее научная работа.

Действительно, Сабина Шпильрейн располагала свободами, необычными для женщины того времени.

Лично я полагаю, что научная работа была тем главным смыслом, созданным Шпильрейн, который придавал ее жизни, с многократными, в том числе и политическими, потрясениями, структуру и непрерывность, недостижимые другими способами.

Сабина Шпильрейн не разработала собственную теоретическую систему или системную теорию психоаналитической техники. Она обладала талантом задавать продуктивные вопросы и предлагать оригинальные проекты исследований – иногда комбинируя психоанализ с другими психологическими подходами, лингвистическими наблюдениями и нейропсихологией. Она была истинным пионером, ставя новые вопросы в различных областях и отстаивая новые взгляды там, где у нее не было предшественников, – например, в Эго-психологии, в концепции влечения к смерти, которую она внедрила в психоанализ, в психологии женщины, теории творчества, психологии развития, в технике детского анализа. Как один из первых психоаналитиков, она исследовала развитие речи у маленького ребенка и поставила вопрос: как взаимосвязаны развитие речи и развитие мышления? Сабина Шпильрейн вдохновляла таких ученых, как Фрейд и Пиаже, Мелани Кляйн, Дональд В. Винникотт и Лев Выготский, которые использовали ее идеи годы или даже десятилетия спустя.

Я буду счастлива, если моя работа и моя книга поспособствуют признанию женщины, ставшей столь продуктивным первопроходцем психоанализа.

Май 2007